

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Двенадцатый век знаменует собой начало необыкновенного изменения вкуса: прекрасное древних, воспоминание о котором сохраняется лишь в искусстве Византии, неумолимо сменяется «уродством» современности, кажушимся бесконечно далеким от изящества. За два века прекрасное разбивается вдребезги о человечество производящего города, несмотря на мучительные попытки святого Франциска его защитить. Это момент революции Джотто.

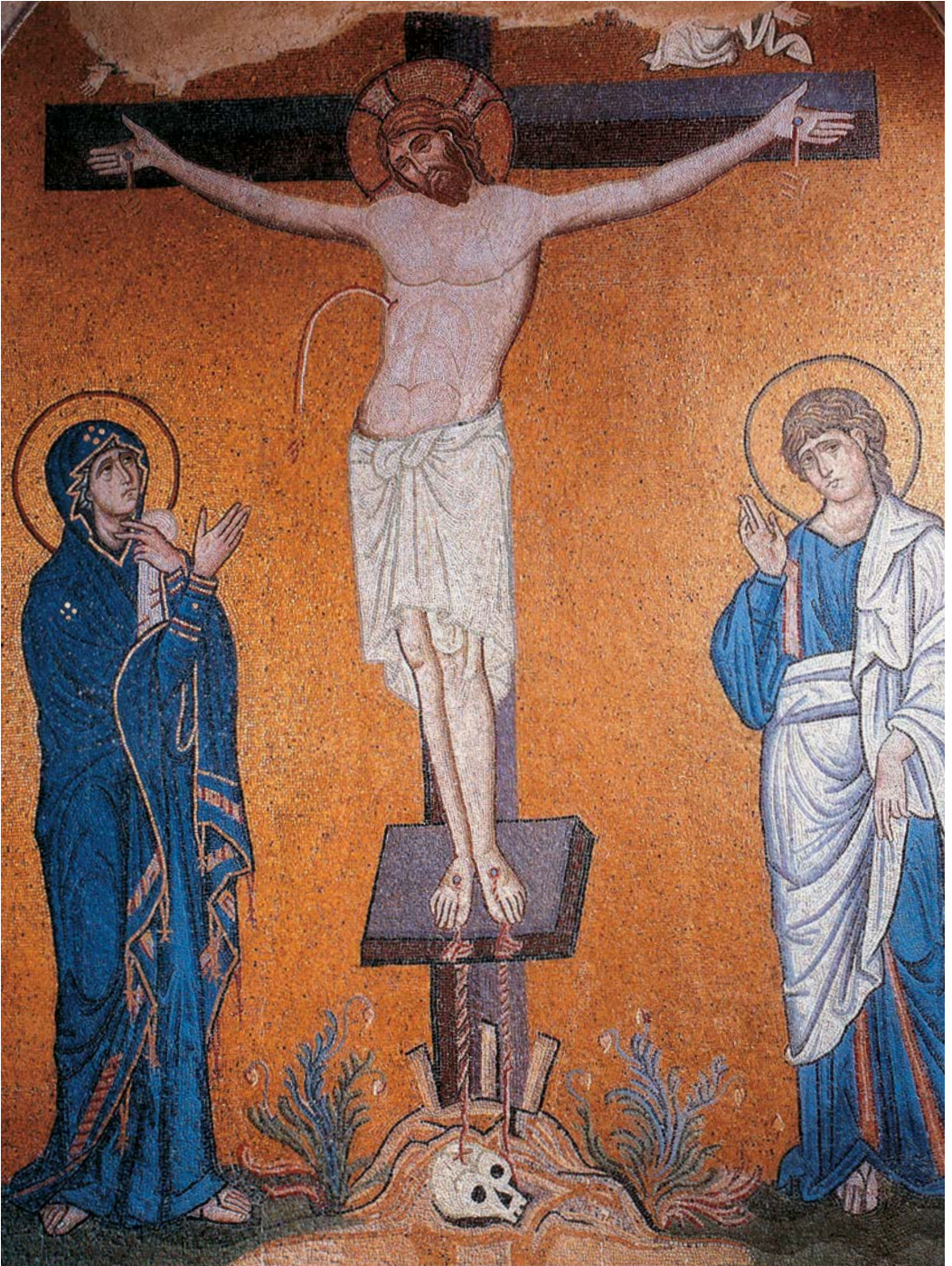
В первой половине XIV в. Петрарка высказывает мысль, за которую, будь она сформулирована тремя веками позже, он подвергся бы инквизиторским пыткам. Петрарке повезло задаться правильным вопросом в правильное время, в те годы, когда Европа была еще богата, пусть и не столь богата, как прежде, когда папская власть элегантно растворилась в Авиньоне, а «черная смерть» пришла позже, в 1348 г. Робкое движение мысли происходило между Болоньей, Парижем и Оксфордом, в среде бродячих францисканцев и доминиканцев и столь же непостоянных университетских выпускников и поэтов. Петрарка утверждал, что, если бы наш мир не пережил злополучный политический переход императора Константина к кафоличности, мы бы и сегодня имели счастливую возможность жить в прекрасном равновесии греко-римской античности и не были бы вынуждены повсюду лицезреть уродства готики. Человек «прохладных волн»⁴ уже тогда предвосхищал мысль Леона Баттисты Альберти; он тоже выносил приговор уродству своего времени. К нашему счастью, его мысль не имела обратной силы и не могла отменить необыкновенные изменения, которые уже в течение двух столетий закладывали фундамент совершенно нового вкуса — вкуса западной современности, которую медленно завоевывали новые романские языки, как в слове, так и в видении.

ДЖОТТО ДИ БОНДОНЕ
РАСПЯТИЕ. 1290–1295
Флоренция, базилика Санта-Мария Новелла

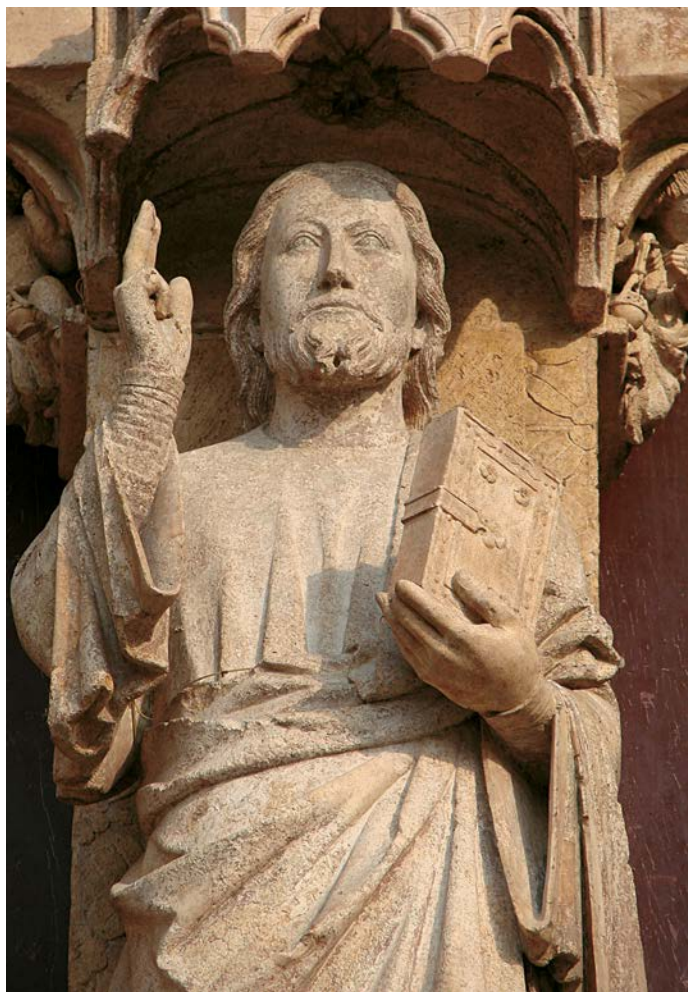
Разумеется, античность была забыта. Прекрасное уже находилось не там. Прекрасное утверждалось в неторопливой эволюции римских инженерных навыков в сторону той архитектуры, которую сегодня мы называем романской. Прекрасное в живописи в свою очередь уходит корнями в культовые изобретения Константинополя, те, которые император-иконоборец Лев III Исавр напрасно пытался уничтожить в VIII в. Византия навязала свою элегантную и священную двухмерность всему христианскому миру. Более того, визуальный язык христианства был теологически сверхъестественным и в силу этого отказался от языческого третьего измерения эллинизма. И поскольку там сохранялась устойчивая диалектика между патриархом и *basileus*⁵/монархом, здесь, в наших краях, считалось, что у мира есть только два главных правителя — папа и император. Речь идет о римлянах с их восточной постгреческой эстетикой, в которой слова Римской и Латинской церкви (по меньшей мере основополагающие слова) были греческими, а мозаики и фрески изображали Христа Пантократора, Деву Марию как Царицу Небесную и распятого Христа, настолько спокойного, что он предстал торжествующим («triumphans»).

Кризис происходит на стыке XII и XIII вв. Гибель утонувшего на Востоке Барбароссы (1190) ознаменовала конец славы оружия, которая считалась единственно возможной славой. В те же годы будущий папа Иннокентий III, слабый в оружии, но могущественный в дипломатии, готовился к гораздо более славной карьере, оставив родной город Ананьи ради университета в Париже. Люди открывали для себя значение знания («studium»), того самого, которое спустя век превознес Уильям Оккам, обратив императору Людовику IV Баварскому свои знаменитые слова: «*Tu me defendas gladio, ego te defendam calamo*» («Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером»).

За этими переменами скрывалась самая радикальная из всех революций, которые Европа познала после краха Римской империи, — революция производящего города. В коммунах стали осознавать, что работа приносила гораздо больше денег, чем война, и что накопленные деньги приносили новую работу, в поте лица, а не с оружием

Благословляющий Христос
(«Прекрасный Бог Амьена»). 1220–1230
Амьенский собор, фрагмент западного фасада

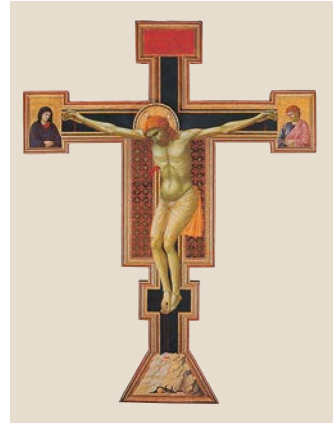

в руках. Рождался капитализм и его другая этика. Человек труда предстал анархистом перед лицом пирамиды феодализма, и интеллектуальный человек начал действовать. Франциск в Ассизи снимает с себя роскошные одежды и выбирает призывом нищее житие в Порциунколе, читая стихи по-французски. Его последователь Якопоне да Тоди получает образование в болонском университете в блистательные годы основателя нотариального искусства Роландина Пассагерия, когда Болонья первой отменила крепостное право. Потом он сам становится нотариусом, берет в жены дочь графа Кольдимеццо, которая погибает на его глазах

в следующем году из-за обрушения пола зала для танцев во время веселого праздника. Под одеждой жены он находит власяницу и выбирает для себя нищету самых строгих приверженцев расколовшегося ордена францисканцев. При несчастном Целестине V его партия была узаконена, но ужасный Бонифаций VIII, которого Данте отправлял в ад, ссылает Якопоне да Тоди на каторгу. Он становится поэтом. Критика XIX в. считала его «менестрелем Господа», более современная критика считает его мистиком. Он восхваляет страдания человечества, которые уже предчувствовал веком раньше святой Ансельм Кентерберийский. Христос торжествующий превращается в Христа страдающего. Человеческая природа Бога Сына уже становилось предметом богословия, с помощью которого последователи святого Доминика победили катарскую ересь в Окситании, что позволило Франции распространить свое влияние на южные области Италии. Чимабуэ, «кубист» середины XIII в., разрушил византийское равновесие. Джотто в конце того же века написал для доминиканской церкви Санта-Мария Новелла во Флоренции своего возвышенного огромного Христа, зеленого мертвеца во плоти. Рождался новый язык живописи.

К нашему счастью, Джотто победил Петрарку. Слезы и чувства появились на лицах, и барочная живопись, отменив совершенство Возрождения, смогла воспеть муки святых, страдания людей и боль войны.

Сентябрь 2008

ДЖОТТО ДИ БОНДОНЕ
РАСПЯТИЕ. 1290–1295
Флоренция, базилика Санта-Мария-Новелла

ДВИЖИМОЕ ИСКУССТВО

Если бы надо было коротко объяснить странность наших искусств антропологу, спустившемуся на планету Земля с Марса или Венеры, было бы трудно использовать категории, в которых обычно рассматривается история искусства. Гораздо проще использовать некоторые упрощенные параметры, например разделять картины на маленькие и большие. Маленькие — это те, которые можно перемещать, то есть «движимые» картины, которым, следовательно, нужны солидные рамы. Большие — это «недвижимые» картины, которые наследуют традиции фресковой настенной живописи. Еще удобнее упорядочивать практики наших различных племен по их поведению кочевников и оседлых, создающих переносные или непереносные изделия. И тогда можно было бы естественным образом объяснить нашу действительность через разные пласты культуры, оставившие свой след в истории отдельных частей нашей маленькой планеты. И можно было бы счесть очевидной связь, существующую между механизмами пражских курантов и часов Страсбургского собора и мобилиями Колдера, равно как и естественной эволюцию от легкости пламенеющей готики к фитоморфным линиям архитектуры Гимара на заре XX в. Можно было бы признать справедливой шизофрению сегодняшних языков, которые пытаются освободиться от нормы глобалистической унификации. И тогда стало бы совершенно

естественным принять тот факт, что архитектура стекла может до сих пор сосуществовать с архитектурой камня, а придворное и обоснованно напыщенное искусство, требующее большого музея, может существовать параллельно с искусством личным и скромным, которому нужна лишь домашняя стена. Можно было бы смириться с тем, что широкой публике, которая ходит в выставочные залы, в качестве контрапункта выступает множество маленьких братств, которые довольствуются лишь посещением друг друга и при этом не чувствуют себя исключенными из хода истории. И марсианин отправился бы домой в спокойной уверенности, что в наших краях незачем слишком все упрощать, потому что именно человек в своей онтологической сущности является безнадежно сложным и именно поэтому столь любознательно творческим и достойным внимания существом.

Ноябрь 2009

